

9. Spravochnik Administrativno-territorial'nogo deleniya Pskovskoj oblasti (1917–2000 gg.). Pskov, 2002.

10. Tolstoj N.I. Jazyk i narodnaja kul'tura. Očerki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike. M.: Indrik, 1995.

Reflection of cultural and historic peculiarities of the region in the system of ethnic nominations

There is regarded the category of ethnic character of the national language mind of dialect bearers incarnated in ethnic nominations. The system of ethnonyms in the Pskov dialectal world picture is determined by the cultural and historic peculiarities of the frontier region, which allows considering them in the culturological, geographic, historic, linguistic aspects.

Key words: *dialectal world picture, ethnonym, ethnic stereotype.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

Т.Е. ГРЕВЦОВА
(Ростов-на-Дону)

МОТИВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОБРЯДОВЫЙ ХЛЕБ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ СВАДЕБНОМ РИТУАЛЕ

Рассматриваются мотивационные возможности культурных терминов, обозначающих обрядовый хлеб в восточнославянской свадьбе. Выделено три группы названий, производных от терминов со значением обрядовой выпечки: наименования эпизодов свадьбы, ее персонажей и атрибутов. Определены особенности каждой группы названий и причины их появления.

Ключевые слова: *восточнославянский свадебный обряд, культурный термин, обрядовый хлеб, мотивационные возможности.*

В отношении к понятию мотивации каждое слово может быть охарактеризовано, с одной стороны, как производное или непроизводное (мотивированное или немотивиро-

ванное), а с другой – как способное или неспособное служить мотивационной базой для новых наименований. Замечено, что исследования мотивационных возможностей (потенций) слов и так называемых «внешних мотивационных моделей» (в противоположность «внутренней» мотивации, заложенной в самом слове [36, с. 192]) выходят за рамки языковой системы, «во-первых, в сферу текстов (начиная от паремиологии и включая фольклорные, мифопоэтические, заклинательные и т.п.), а затем в сферу ритуала, повседневной практики, верований» [Там же, с. 202].

Изучение мотивационной продуктивности культурных терминов, которые одновременно принадлежат языку и культуре и называются семантически значимые реалии, отвечает одному из главных требований, предъявляемых к исследованию обрядовой лексики, – системному подходу, способствующему более эффективной реконструкции древней духовной культуры [37, с. 218]. Такой анализ позволяет выявить связи между разными компонентами ритуала и определить наиболее значимые из них, наименования которых чаще других становятся мотивационной базой для обрядовых терминов.

Исследователи неоднократно отмечали, что ритуальные действия с хлебом занимают важное место в структуре славянского свадебного обряда. Значимость обрядового использования выпечки также подтверждается мотивационными возможностями ее названий. Комплекс терминов свадебного ритуала, так или иначе связанных с обрядовым хлебом, охватывает не только названия видов печения, но и производные от них наименования. В данной статье мы рассмотрим следующие группы обрядовых терминов, мотивированных названиями свадебной выпечки: 1) наименования эпизодов свадьбы; 2) наименования ее участников; 3) наименования ее атрибутов. Материалом для исследования послужили словари диалектной лексики русского, украинского и белорусского языков, опубликованные исследования, посвященные свадебному обряду восточных славян, неопубликованные материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (далее – ПМДЭЭ ЮФУ).

1. Названия эпизодов свадьбы. Использование названий обрядовой выпечки в каче-

стве производящей основы для обозначений эпизодов свадьбы связано, по-видимому, не только с широким использованием хлеба в ритуале, но и с тем, что сами изделия из теста воплощают основные символические смыслы свадьбы – соединение мужского и женского начал, установление новых родственных отношений, переход участников ритуала в новый статус, плодородие, богатство и др. Однако на каждом этапе ритуала актуализируются разные аспекты семантики обрядового печения в зависимости от совершаемых с ним ритуальных действий. Номинация ритуальных актов и целых частей свадебного обряда через названия хлеба обусловлена тем, что в данной ситуации действия с выпечкой занимают центральное место и их символика оказывается значимой для выражения культурной семантики конкретного обрядового эпизода. Рассмотрим такие этапы ритуала.

Важным этапом подготовки к свадьбе является изготовление ритуального хлеба, названия которого часто являются мотивационной базой для обозначения всего обряда. Особенно ярко это проявляется в белорусской, украинской и южнорусской традициях, в которых ритуал выпечки главного свадебного хлеба представляет собой целый комплекс обрядовых действий, связанных с обеспечением богатства, плодородия и счастья будущей семьи [4, с. 79–81]. Поэтому и названия данного этапа свадьбы часто производны от лексемы *каравай* (*коровай*). Например, бел. *каравайны възар, коровайніца* [9, с. 426], *субота-каравайніца* [39, т. 3, с. 306], рус. *каравайчики* [14, с. 61], *каравай* (ПМДЭЭ ЮФУ, Красноулинский район Ростовской области), укр. *коровай, калач* [18, с. 37]. В украинской традиции название данного обряда может быть мотивировано и другими терминами, обозначающими небольшие булочки (*гуски* [9, с. 426], *шишки* [17; 7, с. 116]).

Некоторые виды свадебной выпечки могут служить мотивационной базой для наименований обряда прощания невесты с девичеством (бел. *коровай* [39, т. 2, с. 219], *пирог* [15, с. 281], укр. *пироги* [18, с. 35], рус. *каравай* [20, с. 88; 6, с. 209], *калач* (ПМДЭЭ ЮФУ, Тарасовский район Ростовской области), *пирог* [41, т. 7, с. 106], *блинки* [41, т. 1, с. 63]). Названия, производные от лексем *блин* и *пирог*, обусловлены культурной семантикой этих изделий из теста, связанной с представлениями о смерти и потустороннем мире. Блины и пироги являются поминальными блюдами: блинами символически «кормят» покойни-

ка, их дают нищим, убогим, тем, кто колядует [12, с. 193–194], блины и пироги оставляют на могиле после погребения, последние являются неизменным атрибутом поминального стола [11, с. 50]. В данном эпизоде свадьбы они воплощают семантику обрядового перехода невесты, который предполагал ее «умирание» в прежнем статусе и «воскрешение» в новом. Об этом свидетельствуют ритуальные действия, совершаемые с блинами на девичнике в Ярославской области: после угощения блинами происходили символические похороны невесты, при этом она плакала и причитала [41, т. 1, с. 63]. Гораздо реже названия выпечки служат мотивационной базой для терминов, обозначающих аналогичные обряды прощания с холостяцкой жизнью жениха, т.к. у восточных славян мальчишник распространен не повсеместно и гораздо менее ритуализирован [9, с. 423]. Например, в Луганской области Украины зафиксирован термин *млинци* ‘обряд в доме жениха, во время которого он прощается с холостой жизнью’ [17].

Одним из кульминационных моментов всего ритуала на большей части восточнославянской территории являются разделение и раздача главного обрядового хлеба во время свадебного пира. Поэтому лексема *каравай* (*коровай*) может становиться основной для номинации данного этапа свадьбы (рус. *каравай, каравай, каравайный обед* [30, т. 13, с. 66–67], *сыр-каравай* [25, с. 581], укр. *коровай* [18, с. 44]). В Смоленской области слово *каравай* обозначает весь свадебный обряд [13, с. 312], что свидетельствует о том, что в сознании носителей традиции каравай является важнейшим атрибутом свадебного обряда, а ритуальные действия с ним – его кульминацией.

Изделия из теста иногда могут выступать мотивационной базой для глаголов, обозначающих ритуальные действия с изделиями из теста во время свадебного пира. Так, в Архангельской области отмечены глаголы *блинить, блинничать* ‘подносить подарки жениху вместе с угощением блинами’ [3, т. 2, с. 34], а в говорах Сибири – глагол *блиновать* ‘угощать блинами во время свадебного обряда’ [28, т. 1, ч. 1, с. 72].

Обозначения обрядов послесвадебья, производные от названий выпечки, достаточно разнообразны. Отчасти это результат того, что сам комплекс ритуальных действий этого этапа неоднороден: он включает очистительные, испытательные и посвячительные обряды, взаимные визиты родственников, игры, шутовство и бесчинства ряженых [9, с. 530]. Наибо-

лее распространенными являются наименования обрядов, мотивированные терминами *пирог* и *блины*.

Поминальная функция блинов сыграла определенную роль в появлении названий ритуалов расставания с прежней долей, которые связаны с посещением новобрачной своих родственников после свадьбы (рус. *зятьевые блины* ‘посещение молодыми родителей невесты на Масленицу’ [23, с. 23], *блинки* ‘застолье у родителей невесты на второй день свадьбы’ [41, т. 1, с. 63], *блины* ‘обед для молодых на другой день после свадьбы в доме родителей невесты’ [30, т. 3, с. 24]). Замечено, что эти посещения на данном этапе обряда имеют ту же культурную семантику, что и поминание умершего, который приходит в гости к живым в определенные дни. Молодая возвращается в родительский дом в качестве гостя так же, как приходят в гости покойники, т.к. вернуться в родительский дом в прежнем статусе она уже не может [5, с. 70].

Обрядовые действия с блинами после свадьбы могли быть и символическим актом демонстрации «честности» или «нечестности» невесты, когда по тому, как молодой ест блины, судили о том, сохранила ли невеста девственность до свадьбы (рус. *тёщины блины*, *к тёще на блины* [25, с. 45], *блины* [3, т. 2, с. 35]). Приготовление блинов невестой должно было показать ее хозяйственные способности (рус. *блины*, *блинный стол* [29, с. 30], *блинно* [3, т. 2, с. 34], *невестины блины* [28, т. 1, ч. 1, с. 72]).

Большое количество наименований обрядов послесвадебья у восточных славян производны от лексемы *пирог* (бел. *пірогі* ‘обед через неделю после свадьбы’ [39, т. 4, с. 52; 33, т. 3, с. 522], рус. *пироги*, *пирожный стол* ‘пир на второй день свадьбы’ [30, т. 27, с. 40–42], *пирожный день* ‘второй или третий день свадьбы’ [Там же, т. 41, с. 197], укр. *пирогé* ‘обед после свадьбы’ [2, т. 2, с. 46]. Часто эти обрядовые эпизоды не включают специальных действий с пирогом, а подразумевают только угощение выпечкой во время застолья (ср. укр. лит. *на пироги* ‘в гости’ [32, т. 6, с. 356]). Кроме того, такие названия могут быть связаны с функцией пирога как последнего блюда застолья обрядов послесвадебья (рус. *разгонный пирог* ‘последний чай на свадьбе, когда остаются самые близкие’ [41, т. 8, с. 115], *разъезжи пироги* ‘последний день свадьбы’ [23, с. 113]).

Редко ритуальные действия с пирогами и блинами в послесвадебных обрядах обладают одинаковой семантикой, что подтверждается структурно-семантическим сходством

наименований обрядов, мотивированных названиями этих форм выпечки (например, *пирожный стол* – *блинный стол*, *блинный день* – *пирожный день*, *блины* – *пироги*). Например, сходными являются ситуации ритуального приготовления блинов и пирогов, в которых демонстрируются хозяйственные способности новобрачной (рус. *невестины блины* [28, т. 1, ч. 1, с. 72], *пирожный день* [19, т. 8, с. 9], бел. *пірагі* [38, с. 546–547]).

На западе Украины выделяется ареал распространения названий обрядов и ритуальных действий послесвадебья, мотивированных термином *калач* (*колач*) (укр. *калачини* [22, с. 228], *колачиння* [8, т. 2, с. 267], *калачі* [18, с. 52], *калач* [2, т. 1, с. 205]). Обозначение обрядовых действий послесвадебья с помощью термина *калач* не является распространенным у восточных славян, однако ритуальные действия с хлебом в виде кольца с отверстием могут совершаться на различных этапах свадьбы. Это не случайно, поскольку калач, как и другие кольцевидные предметы, является символом бракосочетания, соединения жениха и невесты [9, с. 341]. Можно отметить, что обрядовые действия с калачом являются достаточно распространенными в украинской свадьбе, что отражается и в терминологии ритуала [21, с. 129]. Распространение приведенных названий обрядов именно на этой территории может быть связано с ее близостью к западно-славянской свадебной традиции, в которой для наименования главного свадебного хлеба преимущественно используется термин **kolaśь* [9, с. 239].

2. Наименования персонажей свадьбы.

Нами выбрано около двадцати терминов, мотивированных названиями обрядового хлеба, которые обозначают участников свадьбы. Видов свадебной выпечки, которые являются мотивирующей основой для наименований свадебных чинов, немного. Больше всего терминов образовано от названия главного свадебного хлеба – *каравая*. Это связано с тем, что обрядовые действия с караваем (особенно в украинской и белорусской традициях) обладают высоким семиотическим статусом и направлены на обеспечение благополучного брака, продуцирование плодородия в новой семье. Например, такими терминами обозначаются персонажи обряда, которые непосредственно участвуют в приготовлении этого вида свадебного хлеба (рус. *каравайница* [30, т. 13, с. 66], *каравайщица* [6, с. 209], бел. *каравайніца* [38, с. 433], укр. *корвайніця* [17]). Обычно для изготовления главного свадебно-

го хлеба выбирали замужних женщин, которые были счастливы в браке и имели детей, для того, чтобы обеспечить такую же благополучную семейную жизнь молодым. В группе женщин, принимающих участие в изготовлении караваев, как и в других группах свадебных чинов, может выделяться главная каравайница, которая также получает специальное наименование (бел. *старша каровайніца* [39, т. 3, с. 306–307]). Иногда специально для сажания караваев в печь приглашали кучерявого мужчину (бел. *каравайник*) или пару – красивую женщину и кучерявого мужчину (бел. *каравайная пара*) [15, с. 325].

Термином *каравай* могут быть мотивированы названия не только лиц, его изготавливающих, но и тех, кто везет каравай в свадебном поезде (рус. *коровайник* ‘свадебный чин, тот, кто несет обрядовый каравай’ [24, т. 15, с. 267], *коровайный* ‘персонаж, ведающий пирогами и караваем в свадебном поезде’, *коровайница* ‘женщина, которая везла каравай в свадебной процессии’ [9, с. 183], укр. *куровайнос* ‘мальчик, который несет каравай перед свадебным поездом’ [2, т. 1, с. 271]). По мнению А.В. Гуры, термин *куровайнос* связан с западноукраинским термином *курогвай* – ‘каравай’, в котором отражено взаимодействие караваев со свадебным знаменем (ср. некоторые названия свадебного знамени этих территорий – *корогва*, *курагов*, *кураговь*, *кураго*, производящие от лексемы *хоругвь*) [9, с. 247, 270].

От лексемы *каравай* происходят и некоторые другие названия участников свадьбы (например, рус. *каравайный* ‘человек, который охраняет свадебный каравай’ [30, т. 13, с. 67], бел. *каравайнікі* ‘участники свадьбы, которые делят каравай в доме невесты и в доме жениха’ [10, с. 164]). Кроме того, *каравайником* называли также дружку – главного распорядителя свадьбы – во время разрезания им свадебного караваев [9, с. 131]. Это связано с тем, что дружка выполняет множество обрядовых функций, поэтому, помимо основных наименований (*дружка*, *дружко*, *сват* и др.), он может получать разные обозначения при выполнении разных ритуальных действий, в том числе при разделении свадебного хлеба.

Мотивировка названий участников обряда лексемой *блин* связана с тем, что у русских блины, как было показано выше, повсеместно являлись традиционным угощением послесвадебного этапа (рус. *блинник* 1) ‘кучер в свадебном поезде’ [41, т. 1, с. 63], 2) ‘зять, принятый в дом жены’ [29, с. 30], *блинница* ‘девушка, которая приходит от матери молодой с блинами

к невесте на следующий день после свадьбы’ [35, с. 113], *блиночница* ‘одна из девочек – родственниц, которые приходят к молодым с блинами на другой день после свадьбы’ [30, т. 3, с. 25], *блинчик* ‘гость, приезжающий на блины после свадьбы’ [19, вып. 1–2, с. 81]). Возможно, термин *блинник* для обозначения зятя, принятого в дом жены, появился вследствие того, что блины как свадебное обрядовое блюдо были, скорее, связаны с прощанием невесты со своей девичьей жизнью и родительским домом. Изменение положения невесты и жениха при таком «инверсионном» порядке обряда, когда муж идет жить в дом жены, вело к тому, что жених утрачивал свою активную роль в ритуале, и могло способствовать появлению такого названия.

Наименования персонажей ритуала могут быть образованы от лексемы *пирог*. Такая мотивация связана с уже упомянутыми ритуальными функциями свадебных чинов: везти выпечку в составе свадебного поезда и принести ее молодым на второй день свадьбы (рус. *пирожник* ‘один из свадебных чинов, который вез хлеб в свадебном поезде’, *пирожница* ‘девушка, приносящая молодым пирог на второй день свадьбы’ [30, т. 27, с. 41–42]). Обозначение детей на свадьбе у русских термином *пирожные осадчики* [Там же, т. 23, с. 350] связано с тем, что именно детям, не участвующим в обряде, часто раздавали изделия из теста.

Названия участников обряда, образованные от лексемы *хлеб*, зафиксированы в основном у русских (1 пример на территории Белоруссии) (рус. *схлебник* ‘родственник невесты или жениха, принимающий участие в свадебном обряде’ [31, с. 551], *хлебник* ‘один из поезжан – родственник жениха – ведающий на поезде хлебом с солью и подносящий хлеб во время застолья’ [26, с. 541], бел. *хлёбнікі* ‘гости, приглашенные на свадьбу’ [34, с. 528]). Такие термины связаны с уже упомянутой функцией персонажа заведовать выпечкой в свадебном поезде. Кроме того, *схлебниками*, *хлебниками* родственников жениха и невесты на свадьбе называли потому, что каждый из них приносил с собой ковригу хлеба. Это обеспечивало богатство и изобилие свадебного стола, что должно было предопределить такую же богатую и изобильную жизнь в будущем для молодых. С другой стороны, внесение вклада в свадебную пищу от каждого из родственников сходно с внесением каждым из них продуктов для свадебного караваев, распространенное у восточных славян. И то и другое действие символизирует общую долю всей се-

ми, рода, в которой есть часть доли каждого из родственников.

От названия небольших булочек – *шишки*, которые распространены в украинском и белорусском обрядах, в украинской традиции могут быть производны названия женщин, которые готовили эту выпечку (укр. *шишарька*, *шишільниця* [17], *шишкобгальниця* [8, т. 4, с. 497]). Это не случайно, поскольку именно в украинской традиции шишки использовались в различных обрядовых ситуациях, а также могли выполнять функцию главного свадебного хлеба: их раздавали участникам обряда во время застолья в доме жениха.

3. Наименования атрибутов свадьбы.

Небольшая часть свадебных терминов, обозначающих атрибуты ритуала, мотивирована названиями обрядовой выпечки. Предметы, которые обозначаются данными наименованиями, связаны в основном с обрядом одаривания молодых, во время которого производится разделение и раздача гостям свадебного хлеба. Значения этих обрядовых терминов сводятся к двум основным: 1) подарок молодым на свадьбе; 2) то, что находится рядом с хлебом во время произведения с ним ритуальных действий.

Связь названий имущества и денег, подаренных молодым на свадьбе, с обрядовой выпечкой достаточно прозрачна. При одаривании молодых происходят разделение и раздача каравая гостям, поэтому и все термины с данным значением мотивированы названиями *каравай*, *сыр-каравай* (рус. *каравайное* ‘деньги, подаренные на «каравай», имущество молодой’ [6, с. 209], *каравайный баран* ‘баран, подаренный жениху и невесте на свадьбе’ [Там же, с. 210], *сыр-каравайное* ‘подаренное молодым на свадьбе при разносе каравая’ [40, с. 197], *подарок на блины* ‘деньги, которые гости дарят молодым на второй день свадьбы’ [30, т. 27, с. 331]).

Исследователи традиционной культуры отмечают, что дар является одним из универсальных способов регулирования отношений внутри социума. Это является особенно важным для обрядов перехода, поскольку в них, в том числе с помощью дарения, участники обряда приобретают новый статус [1, с. 16–17]. Вероятно, поэтому свадебные подарки молодым и получают специальные наименования. Неслучайным является то, что они мотивированы названиями свадебного хлеба, поскольку в этом эпизоде каравай воплощает новую, семейную долю молодых, часть которой они получают вместе с куском этой выпечки [4, с. 82].

Изредка в наименованиях приданого невесты проявляется его связь с основным блюдом свадебного застолья. Например, в Орловской области приданое могло называться *каравай* [27, т. 5, с. 17]. С этим термином можно сравнить название приданого в псковских говорах *кашники*, где каша была завершающим блюдом на свадьбе, с раздачей которого было связано дарение денег молодым [24, т. 14, с. 71].

Термины, обозначающие предметы, находящиеся рядом с хлебом во время произведения с ним обрядовых действий, мотивированы большим количеством названий изделий из теста, чем названия предыдущей группы. Но многие из них также непосредственно связаны с дарением подарков новобрачным (рус. *баенник* ‘поднос, на который кладутся подарки невесте во время свадьбы’ – от термина *баенник*, обозначающего особый вид свадебного хлеба, зашиваемого в скатерть вместе с другими предметами, который делают после бани молодых [3, т. 1, с. 89], *блинный стакан* – ‘стакан вина, который подают вместе с блинами каждому родственнику’ [28, т. 4, с. 425], *каравай* ‘особый поднос, на который кладут подарки молодым’ [25, с. 236]).

Часть терминов данной группы обозначает свадебное деревце, которое может выступать с караваем как одно целое. Так же, как названия каравая могут быть мотивированы свадебным деревцем (рус. *сад*, *роща* [16, с. 37]), так и в некоторых случаях свадебное деревце обозначается через наименование этого хлеба (рус. *каравайница* ‘ветка, украшающая обрядовый свадебный хлеб’ [30, т. 13, с. 67], *курник* ‘убранная сладостями ветка сосны, которую несли от жениха к дому невесты и с которой родственники невесты пытались сорвать сладости’ [25, с. 287]).

Таким образом, термины, обозначающие формы свадебной выпечки у восточных славян, служат базой для номинации других элементов ритуала. Было выделено три группы таких терминов: названия эпизодов и актов обряда, его персонажей и атрибутов. Наиболее многочисленной группой являются наименования частей свадьбы, что связано с центральным местом ритуальных действий с хлебом в таких эпизодах. Обозначение участников свадьбы с помощью названий изделий из теста объясняется тем, что в конкретный момент обряда совершение ими манипуляций с выпечкой является их главной функцией. Большинство терминов со значением атрибутов свадьбы, мотивированных названиями выпечки, связано с дарением подарков новобрач-

ным – центральным эпизодом ритуала, что не случайно, поскольку кульминацией данного обряда являются разделение и раздача хлеба.

Изучение восточнославянских культурных терминов, мотивированных названиями свадебной выпечки у восточных славян, возможно при обращении к экстралингвистическому контексту, требует привлечения сведений об обрядовой ситуации, к которой относятся эти названия. Исследование таких наименований позволяет по-новому осветить семантику терминов, которые служат мотивационной базой для них, и выявить связи разных групп свадебной лексики.

Список литературы

1. Агапкина Т.А. Дар // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 16–21.
2. Аркушин Г.Л. Словник західнополіських говірок: у 2 т. Луцьк: Ред.-вид. відд. «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2000.
3. Архангельский областной словарь. Вып. 1–13 / под ред. О.Г. Гецевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–2010.
4. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
5. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балтославянской духовной культуры: Погребальный обряд: сб. ст. / АН СССР, Ин-т славяновед. и балканистики; ред. В.В. Иванов, Л.Г. Невская. М.: Наука, 1990. С. 64–99.
6. Большой толковый словарь донского казачества / Рост. гос. ун-т; фак. филологии и журналистики; каф. общ. и сравн. языкознания. М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2003.
7. Гриша О. Весілля у Гадацькому повіті у Полтавщині [у селі Ціпках] // Матеріали до українсько-руської етнології / под ред. Хв. Вовка. Львів: Друкарня наукового товариства ім. Шевченка, 1899. Т. 1. С. 111–156.
8. Грінченко Б.Д. Словник української мови: у 4 т. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1958–1959.
9. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индик, 2012.
10. Гура А.В. Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины (Словарь: Б–М) // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М.: Наука, 1984. С. 137–177.
11. Гура А.В. Пирог // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 47–52.
12. Гура А.В., Лаврентьева Л.С. Блины // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 193–196.
13. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. Б.А. Силина, 1914.
14. Картины из народной жизни донских казаков. М.: Тип. Грачева и К., 1871.
15. Котович О.В. Белорусская свадьба в пространстве традиционной культуры. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2012.
16. Лаврентьева Л.С. Хлеб в русском свадебном обряде // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – начала XX в. Вып. 2. М.: ИЭ АН СССР, 1990. С. 5–66.
17. Магрицька І.В. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область) [Електронний ресурс.] URL: <http://www.ruthenia.info/txt/magrytskai/slovnuk.html> (дата обращения: 03.04.2012).
18. Несен І.І. Весільний ритуал Центрального Середнього Полісся: традиційна структура та реліктові форми (середина XIX–XX ст.). Київ: Центр захисту культурної спадщини від надзвичайних ситуацій, 2004.
19. Областной словарь вятских говоров. Вып. 1. Киров: Коннектика: Экспресс: Изд-во ВятГТУ: Радуга-ПРЕСС, 2004.
20. Пискунова С.В., Махрачева Т.В., Губарева В.В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.
21. Плетнева О.Л. Лінгвопрагматична семантика «круглости» в семіосфері українського весільного обряду // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2009. № 843. Сер. Філологія. Вип. 55. С. 125–129.
22. Поділля. Історико-етнографічне дослідження. Київ: Видавництво НКЦ «Доля», 1994.
23. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье, Соликамск, Березники. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004.
24. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967.
25. Словарь донских говоров Волгоградской области: около 17000 слов / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
26. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб.: Наука, 2006.
27. Словарь орловских говоров. Вып. 1–4. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1989–1991; Вып. 5. Орел: ОГПИ, 1992.
28. Словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Т. 1–5. Новосибирск: Наука, 1999–2006.

29. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996.
30. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. М., Л.: Наука, 1965. Вып. 1.
31. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969.
32. Словник української мови: в 11 т. Київ: Наук. думка, 1970–1980.
33. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.
34. Сцяшкovich Т.Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 1983.
35. Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 4. Тверь: ТвГУ, 2005.
36. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 188–204.
37. Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 215–230.
38. Традиційная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь: у 2 кн. Кн. 1 / В.І. Басько [і інш.]; ідэя і агул. рэд. Т. 5 Т.Б. Варфаламевай. Мінск: Вышэйш. шк., 2010.
39. Тураўскі слоўнік: у 5 т. / склад. А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987.
40. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1885.
41. Ярославский областной словарь: учеб. пособие: в 10 вып. Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1981–1991.
- * * *
1. Agapkina T.A. Dar // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar': v 5 t. / pod obshh. red. N.I. Tolstogo. T. 2. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1999. S. 16–21.
2. Arkushin G.L. Slovník zahidnopolis'kih govirok: u 2 t. Luc'k: Red.-vid. vidd. «Vezha» Volin. derzh. un-tu im. Lesi Ukraïнки, 2000.
3. Arhangel'skij oblastnoj slovar'. Vyp. 1–13 / pod red. O.G. Gecovoj. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980–2010.
4. Bajburin A.K. Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskij obryadov. SPb.: Nauka, 1993.
5. Bajburin A.K., Levinton G.A. Pohorony i svad'ba // Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury: Pogrebal'nyj obrjad: sb. st. / AN SSSR, In-t slavjanoved. i balkanistiki; red. V.V. Ivanov, L.G. Nevskaja. M.: Nauka, 1990. S. 64–99.
6. Bol'shoj tolkovyj slovar' donskogo kazachestva / Rost. gos. un-t; fak. filologii i zhurnalistiki; kaf. obshh. i sravn. jazykoznanija. M.: Rus. slovari: Astrel': AST, 2003.
7. Grisha O. Vesilja u Gadjac'komu poviti u Poltavshhini [u seli Cipkah] // Materiali do Ukraïnsk'o-rus'koï etnoloriï / pod red. Hv. Vovka. L'viv: Drukarnja naukovoogo tovaristva im. Shevchenka, 1899. T. 1. S. 111–156.
8. Grinchenko B.D. Slovník Ukraïnsk'koï movi: u 4 t. Kïiv: Vidavnicтво Akademiï nauk Ukraïnsk'oï RSR, 1958–1959.
9. Gura A.V. Brak i svad'ba v slavjanskoj narodnoj kul'ture: semantika i simvolika. M.: Indrik, 2012.
10. Gura A.V. Iz poleskoj svadebnoj terminologii. Svadebnye chinj (Slovar': B–M) // Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie. Jazyk v jetnokul'turnom aspekte. M.: Nauka, 1984. S. 137–177.
11. Gura A.V. Pirog // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar': v 5 t. / pod obshh. red. N.I. Tolstogo. T. 4. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2009. S. 47–52.
12. Gura A.V., Lavrent'eva L.S. Bliny // Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskij slovar' / pod obshh. red. N.I. Tolstogo. T. 1: M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1995. S. 193–196.
13. Dobrovolskij V.N. Smolenskij oblastnoj slovar'. Smolensk: Tip. B.A. Silina, 1914.
14. Kartiny iz narodnoj zhizni donskih kazakov. M.: Tip. Gracheva i K., 1871.
15. Kotovich O.V. Belorusskaja svad'ba v prostranstve tradicionnoj kul'tury. Minsk: Adukacyja i vyhavanne, 2012.
16. Lavrent'eva L.S. Hleb v ruskom svadebnom obrjade // Jetnokul'turnye tradicii russkogo sel'skogo naselenija XIX – nachala XX v. Vyp. 2. M.: IJe AN SSSR, 1990. S. 5–66.
17. Magric'ka I.V. Slovník vesil'noï leksiki Ukraïnsk'kih shidnoslobozhans'kih govirok (Luganska oblast') [Jelektronnyj resurs.] URL: <http://www.ruthenia.info/txt/magrytskai/slovnyk.html> (data obrashhenija: 03.04.2012).
18. Nesen I.I. Vesil'nij ritual Central'nogo Sredn'ogo Polissja: tradicijna struktura ta reliktovi formi (seredina XIX–XX st.). Kïiv: Centr zahistu kul'turnoï spadshhini vid nadzvichajnih situacij, 2004.
19. Oblastnoj slovar' vjatskij govoro. Vyp. 1. Kirov: Konnektika: Jekspress: Izd-vo VjatGGU: Raduga-PRESS, 2004.
20. Piskunova S.V., Mahracheva T.V., Gubareva V.V. Slovar' tambovskij govoro (duhovnaja

i material'naja kul'tura). Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2001.

21. Pletneva O.L. Lingvopragmatichna semantika «kruglosti» v semiosferi ukraïns'kogo vesil'nogo obrjadu // Visnik Har'kivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. 2009. № 843. Ser. Filologija. Vip. 55. S. 125–129.

22. Podillja. Istoriko-etnografichne doslidzhenja. Kiïv: Vidavnictvo NKC «Dolja», 1994.

23. Podjukov I.A., Horobryh S.V., Antipov D.A. Jetnolingvisticheskij slovar' svadebnoj terminologii Severnogo Prikam'ja. Usol'e, Solikamsk, Berezniiki. Perm': Perm. kn. izd-vo, 2004.

24. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. 1. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1967.

25. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti: okolo 17000 slov / pod red. prof. R.I. Kudrjashovoj. 2-e izd., pererab. i dop. Volgograd: Izdateľ, 2011.

26. Slovar' oblastnogo vologodskogo narechija. Po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 g. SPb.: Nauka, 2006.

27. Slovar' orlovskih govorov. Vyp. 1–4. Jaroslavl': JaGPI im. K.D. Ushinskogo, 1989–1991; Vyp. 5. Orel: OGPI, 1992.

28. Slovar' russkih govorov Sibiri / pod red. A.I. Fedorova. T. 1–5. Novosibirsk: Nauka, 1999–2006.

29. Slovar' russkih govorov Srednego Urala. Dopolnenija / pod red. A.K. Matveeva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1996.

30. Slovar' russkih narodnyh govorov / pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova, S.A. Myznikova. M., L.: Nauka, 1965. Vyp. 1.

31. Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Rjazanskogo rajona Rjazanskoj oblasti) / pod red. I.A. Ossoveckogo. M.: Nauka, 1969.

32. Slovník ukraïns'koï movi: v 11 t. Kiïv: Nauk. dumka, 1970–1980.

33. Složnik belaruskich gavorak paŭnochna-zahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha: u 5 t. / rjed. Ju.F. Mackevich. Minsk: Navuka i tjehnika, 1979–1986.

34. Scjashkovich T.F. Složnik Grodzenskaj voblastci. Minsk: Navuka i tjehnika, 1983.

35. Tematicheskij slovar' govorov Tverskoj oblasti. Vyp. 4. Tver': TvGU, 2005.

36. Tolstaja S.M. Motivacionnye semanticheskie modeli i kartina mira // Tolstaja S.M. Prostranstvo slova. Leksicheskaja semantika v obshheslavjanskoj perspektive. M.: Indrik, 2008. S. 188–204.

37. Tolstaja S.M. Terminologija obrjadov i verovanij kak istochnik rekonstrukcii drevnej duhovnoj kul'tury // Slavjanskij i balkanskij fol'klor. Rekonstrukcija drevnej slavjanskoj duhovnoj kul'tury: istochniki i metody. M.: Nauka, 1989. S. 215–230.

38. Tradycyjnaja mastackaja kul'tura belarusaj: u 6 t. T. 5. Cjentral'naja Belarus': u 2 kn. Kn. 1 / V.I. Bas'ko [i insh.]; idjeja i agul. rjed. T. 5 T.B. Varfalameevaj. Minsk: Vyssh. shk., 2010.

39. Turaŭski složnik: u 5 t. / sklad. A.A. Kryvicki, G.A. Cyhun, I.Ja. Jashkin. Minsk: Navuka i tjehnika, 1982–1987.

40. Haruzin M.N. Svedenija o kazackih obshhinah na Donu. Materialy dlja obychnogo prava. Vyp. 1. M.: Tip. M.P. Shhepkina, 1885.

41. Jaroslavskij oblastnoj slovar': ucheb. posobie: v 10 vyp. Jaroslavl': JaGPI imeni K.D. Ushinskogo, 1981–1991.

Motivation potential of the lexical group “ceremonial bread” in the Eastern Slavic wedding ritual

There is considered the motivation potential of cultural terms that denote ceremonial bread in Eastern Slavic wedding. There are marked out three groups of notions derived from the terms with the meaning of ceremonial baking: names of wedding episodes, its personages and attributes. There are determined the peculiarities of each group of notions and the reasons for their appearance.

Key words: *Eastern Slavic wedding ceremony, cultural term, ceremonial bread, motivation potential.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

Т.Г. БАСАНГОВА
(Элиста)

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРЯДОВ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ОГНЮ

Исследуется обряд жертвоприношения огню – древний обряд калмыков, сохранившийся до наших дней. Основное назначение данного обряда – это призывание счастья для своего рода и семьи.

Ключевые слова: *обряд, ритуал, огонь, благопожелание, счастье.*

В древности человек сильно зависел от окружающей его природы и был беззащитен против ее сил, в страхе он невольно преклонялся перед ее явлениями.

Целью данной статьи является изучение вербального компонента в обряде жертво-